

Машина быстро замерла у нужного подъезда. Распахнув пассажирскую дверцу, Чжоу Цзыфэй бережно поднял на руки Шэнь Цзя, укутанного в его пальто. У того совсем отнялись ноги, так что спорить или пытаться идти самому он не стал.

— Малыш, поднеси пальчик, откроем дверь.

На пороге Цзыфэй отыскал под полами пальто руку Шэнь Цзя и, направляя его палец, приложил к сканеру замка. Войдя в квартиру, он ловко прикрыл дверь ногой.

— Напою тебя водой, ладно?

Он усадил Шэнь Цзя на диван, а заметив, что тот едва держится прямо, подложил под спину мягкую подушку.

Шэнь Цзя ничего не ответил — лишь безучастно кивнул.

Но стоит Цзыфэю развернуться к кухне, как его свитер сжимают тонкие пальцы.

— Я... не хочу, чтобы ты уходил...

Шэнь Цзя уткнулся подбородком в грудь, произнеся это еле слышным шепотом. Была видна только его макушка да бледные, похудевшие пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в подол.

— Я не ухожу. Просто принесу воды. Я мгновенно.

Голос Цзыфэя смягчился. Опустившись на корточки, он накрыл своей ладонью дрожащие пальцы Шэнь Цзя, пытаясь заглянуть ему в лицо, но тот смущенно наклонил голову еще ниже.

— Тогда возьми меня с собой...

Сказав это, Шэнь Цзя, похоже, сам сгорел от стыда и дернулся было высвободить руку, но Цзыфэй сжал ее только крепче.

В комнате ненадолго воцарилась тишина, пока Цзыфэй тихо не откликнулся:

— Хорошо.

Он поднялся и, нагнувшись, подхватил Шэнь Цзя на руки. Одним мощным движением он посадил его себе на бедро, будто ребенка, крепко подперев предплечьем.

— Ой! — ахнул Шэнь Цзя и с испугу вцепился Цзыфэю в шею, прижавшись к его плечу всей грудью.

— Учитель Шэнь, держитесь крепче, а не то уроню! — со смешком предупредил Цзыфэй и слегка подбросил его на руках.

Шэнь Цзя снова тихонько ойкнул и впился в него всем телом, вовсе не замечая, что сильные руки держат его железной хваткой и даже не шелохнутся.

После этой небольшой встряски на бледном лице Шэнь Цзя наконец затеплилась легкая улыбка.

Однако после ужина, оставшись один у балконного окна, Шэнь Цзя вновь ушел в себя.

Он смотрел, как сгущаются сумерки и солнце медленно опускается за край земли. Казалось, вместе с ним в непроглядную, безысходную тьму погружался и он сам, а время тянулось мучительно долго и одиноко.

Цзыфэй, прибравшись на кухне, вышел в гостиную и застал Шэнь Цзя у балкона.

В угасающем полумраке его хрупкий силуэт казался почти невесомым, размытым.

Осенний вечер дышал холодом, но окно стояло настежь. Освежающий ветер трепал его длинные волосы; Шэнь Цзя дрожал от пронизывающего сквозняка, но сам того не замечал, завороченно глядя на далекие огни чужих окон.

У Цзыфэя сжалось сердце. Вдруг показалось, будто Шэнь Цзя бесконечно далек от него.

— О чем думает Учитель Шэнь?

Плечи Шэнь Цзя накрыло ласковое тепло. Он обернулся: Цзыфэй уже стоял подле него и, слегка наклонившись, улыбался с нежной заботой.

— Ни о чем... Просто каждый раз, когда вижу закат, становится так тоскливо.

Шэнь Цзя проговорил это совсем тихо и снова повернулся к окну. В его округлых, красиво вычерченных глазах промелькнула влажная дымка, но стоит ему моргнуть — и слезы исчезают, оставляя лишь тусклый, угасающий отблеск вечернего света.

— Почему тоскливо?

Цзыфэй обнял его сзади, позволяя прижаться к себе, и ласково запустил пальцы в его волосы.

— Потому что... так трудно почувствовать радость.

Шэнь Цзя прикрыл глаза и доверчиво уткнулся лицом ему в грудь.

"Потому что мне очень одиноко. Стоит стемнеть — и связь с миром рушится. И никто на свете даже не заметит моего исчезновения".

Он и не подозревал, что его мысли один в один повторяют то, что когда-то чувствовал сам Цзыфэй. Шэнь Цзя просто сжимал пальцами край его одежды, впитывая родное тепло и запах.

Они молча стояли в темноте, согревая друг друга.

— Малыш... давай я сделаю так, чтобы тебе стало хорошо?

Густой, бархатистый голос Цзыфэя прозвучал отчетливо даже сквозь шумящий за окном ветрище.

Шэнь Цзя поднял голову. В скупом свете, падающем из гостиной, он разглядел лишь сдвинутые брови да потемневший, глубокий взгляд.

Сердце мгновенно сбилось с ритма, пульс участился.

Поняв, какое именно «хорошо» имеет в виду Цзыфэй, Шэнь Цзя на долгие мгновения замер, не сводя с него глаз...

И все же медленно, но решительно обнял его за талию и ласково прижался щекой.

Больше Цзыфэй не ронял ни слова. Он подхватил Шэнь Цзя на руки, толкнул дверь балкона и понес в спальню.

Шэнь Цзя опустили на кровать, и матрас откликнулся двусмысленным скрипом. Не успела голова перестать кружиться, как сверху накрыла плотная тень.

Поцелуи Цзыфэя сразу обжгли висок и ухо, горячее дыхание опалило щеку, а затем накрыло губы.

Он мял и тер его мягкие губы с отчаянной страстью. Шэнь Цзя смутно предчувствовал, что эта ночь будет не похожа на прежние, а потому долго не соглашался поддаться, сжав зубы до боли.

Чувствуя скованность любовника, Цзыфэй сменил тактику. Одной рукой он расстегнул пуговицы на воротнике Шэнь Цзя, наклонился и припал губами к обнажившейся коже.

Шэнь Цзя тут же тихонько простонал, а спустя мгновение белоснежная шея покрылась алой россыпью зацелованных пятен.

— Учитель Шэнь, можно мне поцеловать вас? — пробормотал Цзыфэй сиплым от страсти голосом, уткнувшись в душистую, нежную ложбинку у его плеча. — Можно поцеловать сильнее?..

Он приподнялся на руках и посмотрел вниз.

В глазах Шэнь Цзя стояли слезы, на аккуратном кончике носа выступили капельки пота, а щеки пылали. Влажные губы слегка дрожали, а взгляд был совершенно сбивчивым, потерянным.

Обжигающее дыхание Цзыфэя заставляло вспыхивать кожу. Шэнь Цзя ничего не ответил, лишь мелко затрепетал и судорожно сжал ткань на спине его свитера, уставившись слепым взглядом в потолок.

Ведь Цзыфэй и так целовал его почти до боли — губы до сих пор горели и ныли. Зачем же еще сильнее?

Видя его беззащитную покорность, Цзыфэй потемнел взором. Он снова склонился к самому уху, глухо искушая:

— Малыш, приоткрой рот сам... Пожалуйста.

Голос его звучал низко и нежно, но крепкое, горячее тело, прижавшее Шэнь Цзя к матрасу, не оставляло выбора — перед такой силой невозможно было не склониться.

— М-м...

Шэнь Цзя медленно разомкнул губы. На грани смущения и дикого трепета он зажмурился; длинные ресницы судорожно забились, как крылья подстреленной птицы.

Получив долгожданное разрешение, Цзыфэй уже не ведал жалости.

Со стороны казалось, будто белоснежные тонкие кисти вцепились в одежду на его спине, смяли её в комок, а затем бессильно разжались, сползли к талии и сплелись на ней в судорожном жесте.

Не прошло и пары минут такого поцелуя, как Шэнь Цзя уже выбился из сил, и Цзыфэй, уловив его удушье, неохотно отстранился.

— Ха-а... — жадно глотнул воздух Шэнь Цзя, справляясь с легким головокружением. Едва алеющие губы были искусаны, в глазах стояли слезы.

У Цзыфэя перехватило дыхание. Пальцы соскользнули к краю его одежды.

— Разрешите мне... пойти дальше. Можно?

Голос его звучит тяжело, руки опускаются ниже, настойчиво и откровенно очерчивая изгибы тела.

— Не... нельзя... — всхлипнул Шэнь Цзя, но этот отказ прозвучал слишком слабо и безоружно.

Цзыфэй терпеливо баюкал его шепотом:

— Можно, сокровище... Я буду осторожен. Очень ласково...

Не прекращая ласкать его, он шептал беспрестанно. Шэнь Цзя успел лишь ухватиться пальцами за рыжеватые пряди, но и те выскользнули, стоит Цзыфэю наклониться ниже.

— Не надо-о...

Его словно накрыло волной горячего пара, баюкавшей, как в термальном источнике. Сперва он еще различал плеск воды и собственное дыхание, но вскоре разум помутился. Мир расплылся, и единственной реальностью осталась пламенная огненная копна волос, то и дело склоняющаяся над ним.

Шэнь Цзя окончательно растворился в этих горячих объятиях, полностью доверившись его рукам.

Слишком давно у него не было близости. Шэнь Цзя сдавал позиции куда быстрее Цзыфэя, а потому выдерживал куда больше пиков удовольствия, чем сам Цзыфэй.

И хоть сил продолжать не оставалось, шершавое, жадное прикосновение к чувствительной коже снова и снова выбивало из него дрожь отклика.

— Тебе хорошо?..

— Давай снимем это, ладно?..

— Вовсе не уродливо. Ты прекрасен, малыш... Здесь и вот здесь — такое нежное, розовое, до чего же мило...

Шэнь Цзя казалось, что он тонет в горячем потоке. В уши беспрестанно лился низкий, бархатный шепот Цзыфэя, заставляя сгорать от стыда и сжиматься в комок, но эти ласковые слова и сухие, горячие ладони заставляли раскрываться навстречу так же легко, как разворачивают мятый лист бумаги.

Одежда давно оказалась сброшена на пол. Шэнь Цзя перевернули, Цзыфэй накрыл его всем весом, оттянув обессиленные запястья за спину и сжав своими широкими ладонями.

— Ты такой худенький, но здесь... столько мягкости. Потрогай сам, ну же. Похоже ведь на пышное тесто?

Эти руки буквально заставляли его ласкать самого себя.

— Н-нет... пусти...

Ощущения были слишком дикими, сбивающими с ума.

У Шэнь Цзя намокли уголки глаз, он вот-вот готов был разрыдаться.

В самое ухо впился тихий смешок Цзыфэя:

— Нет?

В тишине спальни раздался звонкий, отчетливый хлопок.

Шэнь Цзя судорожно втянул воздух, резко подогнул ноги и выгнулся всем телом, словно вытащенная на берег рыбешка.

— Какая сочная волна...

Эту хриплую, горячую фразу тут же поглотил сбивчивый, стонущий звук.

Шэнь Цзя все-таки расплакался.

Он то пытался извернуться и сползти с кровати, то с досады отпихивал Цзыфэя ногой в плечо.

Он даже выдрал у него пару рыжих волосков, но Цзыфэй и не думал отступать, продолжая свое

неистовое натяжение.

— Я больше не могу-у! Завязывай!..

— А-а-а, перестань, да перестань же!..

Шэнь Цзя плакал и молил о пощаде, но в середине просьбы его ртом овладевал поцелуй, заставляя глотать собственные солоноватые слезы.

— Это слезы боли или тебе просто слишком хорошо? — Цзыфэй нависал сверху, сцеловывая мокрые дорожки с его щек. Его зрачки были расширены, превращая взгляд в очи настоящего, распаленного зверя. — Сокровище, смотри на меня.

Он со сжатой нежностью повернул подбородок Шэнь Цзя, заставляя встретиться с его горящим, упоенным взглядом.

— Если ты плачешь от обиды, я буду стараться еще сильнее, пока ты не почувствуешь радость.

Услышав это, Шэнь Цзя всхлипнул в полном ужасе и судорожно выпалил:

— Мне хорошо... Мне просто очень хорошо-о...

— И мне хорошо... До безумия...

И Цзыфэй снова потянулся к его губам.

Шэнь Цзя казалось, что Цзыфэй переходит все границы.

Сколько бы он ни отдавал, Цзыфэй все равно лез в его «карманы», точно вознамерившись вытрясти все до последнего гроша.

Он всхлипывал и ругался во весь голос:

— Обманщик!.. Цзыфэй... ты проклятый обманщик!

Цзыфэй пропускал брань мимо ушей, неумоимо продолжая свое дело.

Под конец у Шэнь Цзя не осталось сил даже на плач. При каждом толчке его тело лишь едва заметно вздрагивало, бровки жалобно сдвигались, а пелена слез застилала потухший взгляд, пока он окончательно не погружался в забытие.

Лишь тогда Цзыфэй наконец насытился и остановился.

Сначала он отнес обмякшего, уставшего и испачканного Шэнь Цзя в ванную, бережно отмыл, дал выпить целый бокал чистой воды, а затем завернул в одеяло и уложил обратно в постель.

Цзыфэй долго и неотрывно смотрел на его умиротворенное, покрасневшее от сна лицо, прежде чем со сдержанным удовлетворением покинуть спальню.

Собрав с пола разбросанную одежду, он прихватил белье и отправился в ванную.

Капнув гель для стирки с ароматом сакуры, Цзыфэй замурлыкал под нос какую-то мелодию, принимаясь за стирку. Закончив, он поднес трусики Шэнь Цзя к носу, проверяя, благоухают ли они свежестью.

Отлично. Пахнут еще лучше, чем когда он снимал их с Шэнь Цзя.

Уладив бытовые мелочи, Цзыфэй вернулся в постель.

Ночь уже вступила в свои права, осенняя прохлада стала еще ощутимее.

Цзыфэй прижал к себе горячего, заснувшего Шэнь Цзя и долго не мог заставить себя закрыть глаза.

В мягком янтарном свете ночника он разглядывал разгладившиеся черты лица Шэнь Цзя и не удержался — трепетно прикоснулся губами к самой серединке его лба.

Улегшись поудобнее, он зажал холодные ступни Шэнь Цзя между своими бедрами, согревая их, а прохладную ладонь уложил себе на теплый живот.

Но даже смежив веки, он насупил брови. Сон так и не приходил.

Он думал...

О том, как поступить с сегодняшними обидчиками.

"Вот бы провернуть все так, чтобы эти твари испарились из города раз и навсегда..."

Цзыфэй разомкнул глаза. Взгляд его был мрачен и тяжел, а пальцы задумчиво поглаживали горячую щеку Шэнь Цзя.

В этот момент Шэнь Цзя что-то созидательно пробормотал во сне и поглубже уткнулся носом ему в грудь. Этот сонно-беспомощный, доверчивый жест мгновенно развеял темные мысли Цзыфэя, смягчив жесткие черты его лица.

"Хочу, чтобы ты радовался каждый день. Каждый божий день..." — тихо пожелал Цзыфэй про себя, баюкая его и едва слышно поглаживая по спине.

<http://bllate.org/book/19971/1985969>